Васька Игнатьев (отрывок)

...«Полети-ко ты, стрелочка калёная,
Повыше ты дерева шарового,
Пониже ты облака ходячого,
Не падай не на гору, не на воду,
Пади-тко ты Скурлы во черен шатёр,
Тому же ле Киршику во правой глаз,
Да выйди ты, стрелоцька, левым ухом!»
Он подёрнул тетивочку шёлкóвую,
Полетела-то стрелоцька калёная,
Повыше она дерева шарового,
Пониже она облака ходяцяго,
Не падала не на воду, не на землю,
Да пала ле Скурлы нонь во черн шатёр,
Тому же ле Киршику во правой глаз,
Да вышла ле стрелоцька левым ухом.
Да и тут же ле Скурла зволновалисе,
Подходят ко городу ко Киеву
Да просят они да виноватого.
Говорят-то бояра толстобрюхие:
«Кабы кто беду загрéзил, тот догрезивай».
Пойдет-то ле Васинька — воротитце,
Воротитце Васинька, поклонитце,
Говорит-то Василей сын Игнатьевич:
«Уж вы ой еси, бояра толстобрюхие!
Еще ли я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра толстобрюхие:
«Тебе сказано, Васинька, отказано,
Тебе сказано: ты нам больше не надобно».
Пошел-то ле Васинька во чисто полё,
Ко тому ле ко Скурлы сыну Смородову:
«Ох ты ой еси, Скурла-царь Смородович!
Прощай ты меня да во первой вины,
Принимай ты меня во товарыщи,
Грометь-шурмовать да стольнёй Киев-град,
Оставить только князя со княгиною,

Оставить же церквы соборныя,
Оставить же царевы больши кабаки».
Простил его Скурла во первой вины,
Да принял его да во товарыщи,
Грометь-шурмовать да стольнёй Киев-град.
Пошли-то они да в стольно Киев-град,
Да увидели бояра толстобрюхие:
«Да не чудо ле, братцы, не диво ле,
Да Васька Игнатьев передом идёт!»
Приходят к воротам городовыим,
Да зыкнул ле Васинька Игнатьевич,
Да зыкнул он палицей буевой, —
Улетели ворота во чисто полё.
Завалила сила в стольно Киев-град,
Громели-шурмовали стольно Киев-град,
Да худшую силу в пень повысекли,
Да лучшую силу во полон взели,
Да оставили только князя со княгиною,
Оставили только церквы соборныя,
Оставили царевы большие кабаки,
Да выгнали силу на чисто полё.
Да стал-то тут Скурла нонь живот делить,
Да делит живот он на три пая.
Да был у его ноньце малой сын,
Говорит ле ему да таковы реци:
«Ох ты, Скурла, царь-да сын Смородович!
Кабы у́ бою, у драки Васька первой был,
Кабы у делу, у па́ю Ваську обделивать».
Говорит-то ле Скурла сын Смородович:
«Да есь у меня сабелька-то новая,
Да новая-та сабелька, не точена,
Не тоцена сабелька, некровавлена,
Поправлю нонь по шеи я по Васиной».
Да тут-то ле Васьки за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Хватал-то ле Васинька саблю вострую,
Окровавил всё по шее по Скурловой;
Хватал он тотарина, какой побольше всех,
Побольше, потолще, поедрене всех,

Хватал он его да за резвы ноги,
Да стал он по силушки похаживать,
Да стал он по силушки помахивать,
Куды он махнет, да тут и улича,
А назад поворотит — переулеча,
Да сам он ему да приговариват:
«Ты тонок на жилах — не вырвешьсе,
Ты сух на костях — да не изломишьсе».
Он билса-пласталса трои суточки,
Не пиваючись, Васька, не едаючись,
Он всех их убил да до единого,
Оставил только силу полоненую,
Воротил ей назад да в стольно Киев-град.
А пошел-то он во гриню во столовую
Ко тому же ко князю ко Владимеру,
Хватал он столесенку дубовую,
Хотел он убить князя Владимера.
Солнышко князь нонь под стол упал:
«Ох ты ой еси, Васинька Игнатьевич!
Бери ты города с пригородками,
Бери ты села со деревнями,
Оставь только меня ныньце живого!»
Говорит-то ле Васинька Игнатьевич:
«Мне не надо города с пригородками,
Мне не надо села со деревнями,
Только дай мне-ка, Васиньке, такой дозвол:
Штобы пить мне вино нонь безденежно,
Штобы пить мне вино нонь бескопеешно».
Да давал ему князь нонь такой дозвол:
Штобы пить ему вино да век безденежно.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Аврамовская (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. (записано в сел. Верхнее Бугаево Усть-Цилемской вол.) — от Чупрова Василия Авраамовича (Вася Малый), 78 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.